

была бы уместна. В связи с этим мы дадим в заключение только несколько мелких поправок: на стр. 5 (сноска 2) читаем Princepton, должно быть Princetop. Форма βρέυδοv — не греческая, как характеризует ее автор на стр. 17, а иллирийская (мессанская).

О. Н. Трубачев

**«Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny
zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych
do schyłku wieku XII». Pod red. W. Kowalenki,
G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego, tom II,
część 2 (I—K). Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965**

Настоящая краткая рецензия продолжает по своему характеру уже опубликованные нами ранее в «Этимологии» отклики на это полезное издание. Соответственно этому, отзываясь здесь на данный последний выпуск II тома этого энциклопедического издания — «Словаря славянских древностей», мы выделяем, как и в предыдущих своих аннотациях такого рода, по понятным соображениям только материалы, имеющие отношение к славянской этимологии, к изучению лексики (и в отдельных случаях — ономастики) славянских и других языков. Знакомство с настоящей частью этого издания польских славистов убеждает в беспорной ценности и высоком научном уровне соответствующих статей и материалов.

Круг авторов-лингвистов, привлеченных для сотрудничества в рецензируемом выпуске, довольно ограничен (это прежде всего один из редакторов издания — покойный Т. Лер-Сплавинский, далее — Т. Милевский, также покойный; затем — Е. Курилович, В. Цимоховский, Ф. Славский, В. Курашкевич). Следует отметить, что отдельные весьма квалифицированные лингвистические и этимологические комментарии принадлежат историкам, в частности — таким известным специалистам по древнепольской и раннеславянской истории, как Г. Лябуда и Г. Ловмянский.

В данной аннотации не лишним будет дать примерный перечень проблем или сюжетов из области сравнительного языкознания, лексики и этимологии, получивших отражение в данном выпуске. Таковы статьи: «Иллирийцы» (лингвистическая часть — Лер-Сплавинский, Милевский), «Иллирийско-славянские языковые отношения» (Цимоховский), «Иранско-славянские языковые отношения» (Курилович), «Корчма» (название в славянских языках, его образование и этимология — Славский), «Карпаты» (этимология имени — Лер-Сплавинский), «Каринтия» (этимология — Курилович), «Король» (названия в славянских языках, их связи и происхождение — Лябуда), «Князь» (и родственные социально-политические титулы, формы в славянских языках, их генезис — Курашкевич).

О комплексном содержании многих статей, распадающихся при этом на лингвистическую часть (название, его происхождение и этимология) и собственно историческую часть, каждая из которых написана специалистом, мы могли бы повторить то, что уже говорилось в наших предыдущих рецензиях на более ранние выпуски этой энциклопедии раннего славянства. Содержание лингвистических и этимологических материалов данного выпуска, несмотря на лаконичную манеру изложения (в общем присущую этим материалам также и других частей этого издания), а также несмотря на то, что такие материалы занимают сравнительно небольшую часть книги, способно серьезно заинтересовать читателя, занимающегося проблематикой, и в целом заслуживает весьма положительной оценки. Известный польский албанист и балкановед Цимоховский предлагает целый очерк на очень актуальную в индоевропестике тему (см. выше). Рассматривая иллирийско-славянские отношения, он выделяет общности в фонетике, словообразовании (ср. активность модели на *-nt-* в славянском и в иллирийской топонимии), в лексике,

причем называются пары ст.-слав. грав(р)ъ—γράβιον, ст.-слав. веселъ—*Veselia*, ст.-слав. тръгъ—*Tergeste, Opi-tergium*. Автора можно упрекнуть в определенной неполноте информации. Так, приводя пару веселъ—иллир. *Veselia*, он, конечно, имеет в виду знаменитую этимологию, основанную на истолковании эпиграфического контекста *Veselia felicitas* и восходящую еще к Будимиру. Но нельзя упускать из виду, что другой югославский ученый — Катичич в недавнее время подверг серьезной критике иллирийскую принадлежность имени *Veselia*, убедительно представив его как один из вариантов имени бесспорно латинского происхождения. Учитывая наше слишком одностороннее и крайне неполное знание иллирийского языка, почти ограничивающееся ономастикой (топонимия, антропонимия), можно, тем не менее, выразить надежду, что как раз ономастический аспект иллирийско-славянских соприкосновений и взаимодействий (причем, возможно, не только на территории Югославии) имеет определенные перспективы развития в науке. Возможно, это принесет новые данные о древнем ареале иллирийского языка через его отражения в славянской топонимии.

Курилович суммарно излагает сведения об иранско-славянских языковых отношениях, однако он сообщает при этом отдельные новые наблюдения, представляющие высокий интерес в этимологическом отношении. Например, славянскую основу *kostjun-* 'мирской, связанный с профанацией' (ср. *кощунство*) он понимает оригинально как кальку иранского слова *astvant-* 'бренный, преходящий, материальный', производного от ир. *ast-* 'кость'.

Исследователей проблем праславянской лексической реконструкции заинтересуют наблюдения Курашкевича (стр. 536—537), который полагает, что, помимо *kъnežь, праславянскими можно считать его производные *kъnežь, *kъnežitjь, *kъnežyni, *kъnežьna, до сих пор представленные в польских словах *ksiądz*, *książę*, *księżyc*, *księżini*, *księżna*.

В порядке критики можно было бы заметить, что, например, в статье о Киеве (стр. 406) не дается, в отличие от других подобных статей, обзор этимологии этого древнего названия. Сближение одного из древних названий Киева — *Sambatas* — с армянским именем собственным личным *Smbat*, приводимое Ловмянским (стр. 407), ошибочно, так как еще Ильинский правильно понял, что форма *Σαμβατάς* у Константина Багрянородного отражает слав. *sq-vodь 'слияние воды'. В дополнение к тому, что было сказано в свое время Ильинским, укажу гидроним *Syuid* (*sq-vodь), при впадении Десны в Днепр, т. е. вблизи Киева.

О. Н. Трубачев

I. Vahros. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna (= «Folklore Fellows Communications», vol. LXXXII, № 197). Helsinki, 1966

В наши задачи не входит анализ всей этой обширной монографии, посвященной русской парной бане и ее отражениям в истории и в русском устном народном творчестве. В поле зрения автора находятся и материальная история самой бани, и сведения о бане в древнерусской письменности, и обычаи, обряды, связанные с баней, но имеющие важнейшее значение в быту и нравственном укладе, системе понятий русского народа, в его «модели мира», как сейчас иногда принято говорить. Обширные разделы книги И. Вахроса адресованы к этнографам, фольклористам, литературоведам, поэтому мы не считаем себя вправе судить об их содержании. Однако, чтобы сказать очень коротко в целом обо всей книге, которая, бесспорно, заслуживает внимательного и целостного рассмотрения, отметим богатство привлеченного материала и очевидную тщательность его обработки. Отдельно следует отметить культуру оформления и издания книги, к которой приложены алфавитный перечень слов (стр. 341—346) и предметный указатель (стр. 347—360), облегчающие пользование работой.